

A dark, atmospheric landscape under a full moon. A wolf with glowing yellow eyes stands on a rocky outcrop in the upper right. In the foreground, a small wooden boat with dragon-like carvings on its prow and stern sits on a calm, misty lake. The background is filled with dark evergreen trees and a thick layer of fog or mist. The overall mood is mysterious and ominous.

Чёрная земля

Руслан Князев

Руслан Князев

Чёрная земля

«Автор»

2026

Князев Р.

Чёрная земля / Р. Князев — «Автор», 2026

Черноземье держится не мечами, а Родовым Корнем — кровной связью князя с землёй предков. Но связь можно разорвать изменой, тайной кровью, ложью в сердце рода. Старый князь Борислав каждую ночь уходит в капище говорить с Мороком, что явился ему голосом мёртвого сына. Наследник Святозар погиб на охоте, пронзённый своим же копьём, и вдова требует Суда Крови над боярами. Из монастыря возвращают младшего сына Владимира, семнадцати лет, — того, кого два года прятали от трона. Теперь он единственный наследник, и столица уже готовит ему невесту, лишь бы Корень не иссяк. Но под половицей в комнате брата Владимир находит амулет с чужим гербом — знаком рода, с которым Черноземье связывает лишь хрупкий мир. Морок не лжёт. Вопрос лишь в том, чей голос он повторяет — и кто в семье уже предал Род.

© Князев Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ладья на воде	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Руслан Князев

Чёрная земля

Глава 1. Ладья на воде

Дождь шёл третий день кряду, и земля-матушка, разбухшая от воды, не хотела больше держать мёртвых.

Владимир стоял на берегу Смородины, там, где река заворачивала в излучину, и ходил в тумане, словно в другом мире - а может, так оно и было. Плащ на нём тяжелел от влаги, вода стекала за шиворот, но он не двигался. Позади, на помосте у самой кромки воды, лежала ладья Святозара.

Резная, с оскаленной мордой ящера на носу - та самая, на которой старший брат когда-то катал его на озере, а он визжал от восторга и цеплялся за борт. Теперь на ней лежит то, что осталось от Святозара после трех дней в холодной клетке храма. Лицо ему закрыли белой платком - не для приличия, для того, чтобы люди не видели, во что превращается плоть, когда из нее выходит копьё насквозь.

Жрецы Велесова капища стояли полукругом - семеро, все в медвежьих шкурах, надетых поверх кафтанов, с посохами, увенчанными коровьими рогами и волчьими клыками. Они раскачивались из стороны в сторону, и голоса их - низкие, гортанные, словно идущие не из груди, а из-под земли - сплетались в один гул, похожий на стон самой реки.

Гой, земля-мать, прими сына, Дай путь через воды тёмные, Через кости рыбы, через ил зыбучий, Проводи его к дедам, к пращурам, Не оставь одного в сырой ночи...

Владимир знал эти слова наизусть - два года при капище вбили ему весь погребальный порядок, каждый символ. Он думал, что будет петь их для чужих, для смердов, для старых волхвов, доживающих свой век. Он не думал, что когда-нибудь будет стоять и слушать, как их поют для его брата.

Мать стояла по левую руку от него. Княгиня Мирослава не плакала - за два года, что Владимир провёл в капище, он успел позабыть, умеет ли она вообще плакать. Она стояла прямо, как копьё, на черной плате, и смотрела на ладью так, словно взглядом можно было удержать ее на берегу.

По правую руку - отец.

Князь Борислав стоял, опираясь на посох, и Владимир старался не глядеть на него слишком долго. Два года назад, когда Владимира увозили в капище, отец был ещё крепок - сед, но крепок, голос его ещё гремел на советах, рука ещё держала меч. Теперь перед Владимиром стоял старик. Разница была не в ракурсе, а в чем-то другом, что выело князя изнутри, как выедает жук сердцевину дуба.

Глаза Борислава бегали. Он то и дело оборачивался, словно за спиной у того, кто стоял, - и там никого не было, только дождь и туман, и мокрые сосны на краю капища.

— Пора, - сказал старший жрец, отец Ждан, тот, что учил Владимира последние два года. Голос его был тихим, но его слышали все.

Четверо смердов взяли ладью и столкнули с помоста. Она качнулась на воде, несмотря на то, что сама не хотела уходить. Уплывала медленно, лениво - и туман, стоявший над рекой стеной, принял ладью в себя, как принимает мать неразумное дитя.

Она таяла в белой мгле - сперва нос с оскаленным ящером, потом борта, потом уже нельзя было различать очертаний, только тёмное пятно, которое становилось всё бледнее и бледнее.

И тут отец закричал.

— Стой! Стой, не пускайте его, не пускайте ни одного!

Он рванулся вперед, к самой воде, и двое дружинников еле сумели перехватить его - старик вырвался с силой, какой не должен был быть в этом иссохшем теле, и кричал в тумане, где скрылась ладья:

— Он там один! Один! Слышите его?! Он зовёт!

— Отец. - Владимир шагнул к нему, взял за плечи. Руки Борислава дрожали. - Отец, тише. Все свои слова он уже сказал. Теперь ему говорить не с кем, кроме дедов.

Борислав повернулся к нему, и на миг - только на миг - в глазах старика мелькнуло узнавание, что-то показалось на прежнего отца.

— Володша... - прошептал он. - Ты слышишь его? Он же зовет. Каждую ночь зовет.

Владимир чуть дрогнул. За спиной он услышал, как один из бояр, Всеслав Лютич, тихо сказал соседу, словно напоказ, чтобы услышали все:

— Совсем из ума выжил старик. Скоро и Черноземье в Наву утянет вместе с собой.

Мать тоже слышала. Мирослава вернулась к боярину так резко, что платок на ее голове подлетел.

— Придержи язык, Всеслав, - сказала она негромко, но так, что у боярина побелели губы. - Или хочешь, чтобы я спросила, где ты был на ночной охоте?

Над берегом повисла тишина, которую не удалось заполнить ни дождем, ни шумом реки.

Совет собрали в тот же вечер, в большой гриднице, где под низкими сводами ещё пахло дымом от поминальной тризны. Столы передвинули к стенам, лавки поставили кругом, и бояре расселись - угрюмые, мокрые, злые, глядя друг на друга.

Мирослава встала первой.

— Мой сын, - сказала она, и голос ее не дрожал, - не упал с коня. Его собственное копьё вошло к нему в грудь на охоте, где кроме его людей никого не было. Я хочу знать, мои руки держали древко.

— Копьё скользнуло с седла, - подал голос боярин Гостомysl, самый старший из советников. - Такое бывает на охоте, княгиня. Горе туманит разум, но не стоит...

— Не стоит что? - Мирослава обернулась к нему и всем. - Не стоит искать убийцу моего первенца? Наследника Родового Корня?

При этих словах несколько бояр переглянулись - быстро, украдкой, и Владимир, сидевший у стены, это заметил. Он два года провёл среди жрецов, которые учили его читать не только знаки на бересте, но и лица людей - там, где слова лгут, лицо иногда выдаёт правду за долю мгновения раньше, чем человек успевает её спрятать.

— Я требую Суда Крови, - сказала княгиня. - Пусть волхвы бросят кости в тело каждому, кто был на той охоте. Пусть Род сам укажет виновного.

Гул прошёл по гриднице - не оговорено, не отказ, это особая гула, которая бывает, когда люди боятся сказать вслух то, что думают.

И тогда двери гридницы распахнулись, и, наконец, отряхивая с плаща дождевой водой, вошёл человек в дорожном платье с гербом такого Китежа на груди — чёрный ворон на белом поле.

— Извиняйте за дерзость, - сказал гонец, не кланяясь так низко, как честь была бы в доме, где хозяин лежит в гробу третьего дня, а не сегодня опущен в реку. - Но дело мое не терпит отлагательств.

Он вытащил из-за пазухи свиток с печатью, тяжёлой, восковой, с оттиском в виде переплетённых бегов.

— От верховного волхва Китежа, Радимира, князя Бориславу Черноземскому. - Гонец развернул свиток и, пока сам Борислав сидел с отсутствующим взглядом, глядя куда-то в угол гридницы, где не было ничего, кроме теней, начал читать сам: «Ведомо стало в столь высоком классе, что наследник Святозар Бориславич отошёл к предкам. Посему требуется: младший сын, Владимир Бориславич, надлежит явиться в Китеж до исхода седмицы для заключения

брака с дочерью моей, Ярославой, дворовой Корень Черноземья не иссяк и не ослабнет в такое смутное время».

В гриднице было тихо так, что слышно было, как потрескивают лучи.

Владимир считал, что земля под лавкой будто качнулась - совсем как ладья на воде.

— Это неслыханно, - первым нашёлся Гостомысл. - Мальчика два года как отправили в капище, отрелись от него как от наследника, а теперь...

— А теперь он единственный наследник, - тихо сказала Мирослава, и в голосе ее Владимир впервые за вечер услышал не сталь, а что-то пришедшее от страха. - Другого сына в Черноземье нет.

Гонец повернулся к Владимиру, окинул его взглядом - быстрым, оценивающим, как король лошади или добрый клинок.

— Так что мне передать в Китеж, княжич?

Владимир открыл рот - и не нашёл, что сказать. Два года он учился забывать, что был чьим-то наследником. Два года каждое утро он мёл двор капища и таскал воду из колодца, а жрецы называли его «отрок», а не «княжич», и он почти поверил, что так будет всегда.

— Передай, - сказал ему отец.

Все обернулись. Борислав вдруг выпрямился на свое место, и на миг в его лице снова проступило что-то от прежнего князя - властное, холодное.

— Передай верховному волхву, что Черноземье само решит, кому носить свою кровь. - Голос старика окреп, и Владимир с ужасом понял, что не может понять, кто говорит - его отец или тот, кто в последнее время говорил его голосом. - И передай ещё, что Морок сказал мне: в Китеже гниёт корень раньше, чем в Черноземье. Пусть первый волхв о своих гнилях печётся.

Гонец поблел.

— Я... передам, княже, слово в слово.

Он поклонился - в этот раз низко, торопливо - и объявил, показывая, что спасается бегством от того, что увидел в глазах старого князя.

Совет еще долго гудел после его речения, но Владимир уже не слушал. Он смотрел на отца, и отец, встретившись с ним взглядом, вдруг улыбнулся - странной, вымученной улыбкой, - и прошептали одни губы, так что слышать мог только сын:

— Он опять придёт сегодня. Пойдём, покажу.

Ночью дождь наконец стих, но туман не ушёл - он лег на землю плотным, влажным одеялом, и в этом тумане огни капища казались бледными, размытыми пятнами, словно кто-то смотрел на них сквозь бельё.

Владимир не собирался идти. Он лег в своей горнице - впервые за два года - и попытался уснуть, но сон не пришел: слишком много было сказано за один день, слишком много глаз смотрело на него так, он уже надел княжеский венец. А потом он услышал, как скрипка двинула дверь отцовской половины, и увидел в щель, как через двор, к капищу, прошла сгорбленная тень с посохом.

Он пошёл следом потому что не смог себя удержать.

Капище стояло на холме за частоколом, там, где ещё когда-то, при дедах, срубили священную рощу, оставив только идолов - почерневших от времени, с ликами, стёртыми дождями настолько, что уже невозможно было понять, кого они изображают. Отец стоял перед самым большим из них, спиной к Владимиру, и говорил - тихо, но отчётливо, словно вёл беседу со своим другом.

А потом из тумана вышел волк.

Владимир видел волков - на охоте, в клетках, в свежих шкурах, которые несли жрецы. Но этот зверь не был похож ни на одного из них. Ростовый с теплонькой, серой, с шерстью, что казалась в лунном свете почти белой, - и глаза его светились не отражённым светом, как

у обычного зверя, своим, холодным, словно в глазницах у него были не глаза - два маленьких месяца, застрявших под серыми веками.

Волк сел напротив старого князя - спокойный, по-хозяйски, как садится не зверь, а человек, ожидающий разговора.

— Ты снова сомневаешься, отец, - сказал волк.

И голос был - Владимир похолодел, часто стоя в тени, - голос был голосом Святозара. С той самой хрипотцой, что появлялась у брата по утрам, с той самой манерой растягивать первые слова.

— Ты же обещал, - продолжал волк голосом мёртвого брата. - Ты обещал, что Корень не достанется чужим рукам. А теперь зовёшь Володшу назад, чтобы он женился на дочке китежского волхва? Ты продаёшь землю-матушку, отец. Ты предаёшь Род.

— Я не знаю, что делать, - прошептал Борислав, и в его голосе была такая боль, что Владимир, стоя на двадцати шагах, сжал кулаки. - Скажи мне, что делать. Ты всегда знал.

— Найди того, который держал копьё, - сказал волк. - А потом уже думай о свадьбе. Пока убийца идет к твоему двору с чистыми руками, никакой Корень не будет крепким. Земля чувствует ложь, отец. Она уже чувствует.

Луны-глаза волка вдруг качнулись - медленно, как будто зверь повернул голову, - и остановились на частоколе, там, где стоял Владимир.

Он не мог понять, видит ли его тварь на самом деле или просто случайно смотрит в его сторону. Но по спине пробежал холод прошлого дождевого, хуже речного тумана, и он попятился, стараясь наступать бесшумно, - зверь тем временем снова заговорил, уже тише, словно нарочно понижая голос, чтобы Владимир не расслышал:

— И скажи брату, что под половицей...

Дальнейшие слова было не разобрать. Владимир, уже не таясь, бросился прочь - вниз по склону, через мокрую траву, к воротам частокола, и не останавливался, пока не оказался у себя в горнице, дыша так, будто пробежал не двести шагов, а десять вёрст.

Он просидел до рассвета, не смыкая глаза, глядя на дверь, - но никто не пришёл.

На утро, ещё до того, как проснулся весь терем, Владимир пошёл в комнату брата.

Она стояла нетронутой с той ночи, как Святозара привезли с охоты, - кровать застелена, оружие на стене, на столе всё ещё сломанная упряжь брата, который чинил её своими руками накануне последнего выезда. Владимир долго стоял в дверях, не решаясь войти, - а потом вспомнил слова волка. *Скажи брату, что под половицей...*

Он опустился на колени у изголовья кровати и начал простукивать половицы - сначала наугад, потом ряд рядом, как учили его в капище простукивать стены, ища тайники с требованиями. На пятой доске от стены звук изменился - глухой, пустой.

Доска поддалась легко, будто ее вынимали не раз. Под ней, в неглубокой выемке, завёрнутый в промасленную тряпицу, лежал амулет.

Владимир развернул тряпицу дрожащими руками.

Небольшой кругляш серебра, потемневшего от времени, а на нём - рельефное изображение лисы, повернутой в кольцо, с хвостом, обвившей его собственную морду. Он видел этот знак раньше - в книгах, которые читали в капище, в старых грамотах или договорах между княжествами. Чертог Лисы. Герб рода вятичей, который правил два дневных перехода к востоку, за Смородиной, за Мглистыми холмами, - род, с которым Черноземье не воевало эти последние двадцать лет, да и то по хрупкому миру, который держался на честном слове стариков, а не на крови и клятвах.

Что сделал такой амулет под половицей у Святозара?

Владимир с холодалым металлом в кулаке, и впервые в тот день, как отец Ждан объявил ему, что брат погиб, он почувствовал, что не горит - страх. Настоящий, холодный, ползущий по хребту, как ползёт по нему туманом с реки.

За окном светлело, и где-то далеко, в стороне капища, протяжно и одиноко завыл волк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.